

А. Л. Соловьев

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ И ПОЛИТИКА КОНТРЕФОРМ

Вопрос об участии К. П. Победоносцева в политике контрреформ достаточно хорошо рассмотрен в историографии. Тем не менее сохраняются отдельные моменты, требующие дополнительного изучения.

У К. П. Победоносцева было неизменно самостоятельное, особое отношение к мероприятиям 80-х – начала 90-х годов XIX века, вошедших в историческую литературу под названием «контрреформы». В последнее десятилетие ведется спор о применимости данного термина к эпохе Александра III. При этом одни историки (В. А. Федоров, Л. Г. Захарова, А. Н. Сахаров, Н. А. Троицкий, В. Я. Гросул, В. А. Твардовская, А. Ю. Полунов) продолжают отстаивать этот термин. Другие, например В. А. Нардова, используют словосочетание «так называемые контрреформы», при этом не поясняя свою позицию [Нардова, 1994: 3]. Третьи идут дальше и совсем отказываются от этого слова, подчеркивая условность порожденного «публицистической риторикой вековой дальности» термина (Т. А. Филиппова) [Филиппова, 1996: 58]. Поэтому, согласно А. Н. Боханову, «уместно говорить не о “контрреформах”, а о корректировке государственного курса. Дело... не в том, что император механически хотел вернуться назад, а в том, что политика 60-х годов слишком “забежала вперед”, что осознал уже и Александр II» [Правил – как завещал отец: 43]. Поэтому с подачи Т. А. Филипповой был выдвинут новый термин – «консервативная реформа», так как, согласно новаторским рассуждениям последней, «все различия между либерально-реформаторскими режимами Александра I и Александра II и самодержавным охранительством царствований Николая I и Александра III можно обнаружить не в стратегической сути, а в тактической форме: в ставке на различные методы консервативной стабилизации общества» [Филиппова, 1993: 52]. Либерально-консервативные – для первых и охранительно-консервативные – для вторых.

И все же, думается, прав А. Ю. Полунов, полагающий, что «как не играть словами, очевидно: преобразования 60-х и 80-х годов XIX века находились в одной плоскости и были противоположны по смыслу. Полной отмены предшествующих реформ не было, а вот отход назад – явный, и говорить о том, что реформирование при Александре III было всего лишь препарировано и обеднено, нельзя» [Правил – как завещал отец: 41]. Да, в пределах широко понимаемого консервативного мировоззрения мероприятия Александра II и Александра III пре-

следовали одну цель – «охрану стабильности общества», как верно считает Т. А. Филиппова [Филиппова, 1996: 52], и поэтому в рамках этой точки зрения термин «консервативная реформа» является логичным и обоснованным. Но, преодолевая заблуждение о том, что Александр III ставил целью своей политики ликвидацию либеральных реформ своего отца и гнал Россию назад (в чем нельзя согласиться с А. Ю. Полновым), тем не менее не следует забывать, что творцы правительственного курса 80–90-х годов действовали вопреки политике Александра II, действительно ограничивали его реформы, и поэтому термин «контрреформы», то есть реформы, противоположные мероприятиям предшествующей эпохи, безусловно, верен и имеет право на существование. Исходя из этого, было бы логичнее, с нашей точки зрения, говорить о взаимоприменимости этих двух терминов, между которыми, если учитывать обновленное содержание термина «контрреформа», нет принципиальной противоположности.

В 1884 году с изменением Университетского устава 1863 года состоялась первая контрреформа эпохи Александра III, разработчики которой считали, что прежний устав – 1863 года – «...почти вовсе упразднил государственную власть над университетами, отдав их в полное распоряжение профессорских коллегий. <...> Государство как бы упразднило себя в деле столь важном для государства, как высшее образование» [Волков, 1910: 3]. С появлением нового устава и ликвидацией «фальшивого самоуправления», как считал М. Н. Катков, «...в стенах университетов возобновится интерес к академической науке и вернется “направляющий и контролирующий надзор государственной власти”» [Катков, 1898: 448]

Не удивительно, что проект нового устава вызвал резкое недовольство либералов. Против его принятия проголосовало большинство членов Государственного совета. Неожиданностью же для контрреформаторов стала позиция «своего» К. П. Победоносцева, казалось бы, убежденного противника устава 1863 года.

Проект министра народного просвещения гр. И. Д. Делянова «привел меня в ужас, когда я прочел его. Я убедил Делянова взять его обратно», – сообщал К. П. Победоносцев С. А. Рачинскому 7 января 1884 года [ОР РНБ, ф. 631, д. 27, л. 9]. «Университетское дело все еще не кончилось, – восклицает Победоносцев в письме от 25 января 1884 года, – и увы! Приводит меня в отчаяние. Я уже теряю надежду на соглашение. Два месяца я напрягал свои силы на то, чтобы предупредить всякую резкую ноту и устранить всякий ядовитый элемент в этом обсуждении. Казалось, в последнее время дело налаживается. Но в понедельник в заседании послышалась такая резкая и кричащая нота, что дело совсем портится. Тон этот послышался со стороны большинства, т. е. противников Делянова. Не знаю, что из всего этого выйдет, но теряю надежду на примирение, хочу уже вовсе уклониться от участия в деле и от заседаний, слишком дорого мне стоящих» [Там же. Л. 40об.].

Да, безусловно, К. П. Победоносцев не был принципиальным противником нового устава. «В отрицательной части представления никто не противоречит Делянову, – писал Победоносцев, – все готовы вместе с ним отрицать устав 1863 г... Но в положительной части нет с ним согласия» [Щетинина, 1995: 137]. Участвуя в его разработке и обсуждении (но от-

нюдь не на главных ролях, на чем настаивала С. Л. Эвенчик, что видно из письма к С. А. Рачинскому от 25 января 1884 года), Победоносцев выступал за сильную власть назначаемого государством ректора, за обязательное утверждение лекционных программ факультетами [см.: Эвенчик, 1969: 291, 294, 295], но при этом, по справедливому мнению П. А. Зайончковского, расходился с единомышленниками «не в деталях», как полагала С. Л. Эвенчик, а в главном – в вопросе о государственных экзаменах [Зайончковский, 1970: 32]. Победоносцев считал, что «экзамены нельзя вынести из стен университета и невозможно отменить курсовые испытания», так как если они будут «...слишком строги – выдержит ли эту строгость государство, нуждающееся в новых деятелях для новых учреждений? Будут они слишком слабы – их слабость будет больше и опаснее испытаний. Поэтому лучше исправить существующее: заставить каждого уважать свой долг, усилить ответственность» [РГИА, ф. 1149, оп. 10, д. 53, л. 6 об.–7]. В итоге в ходе обсуждения проекта К. П. Победоносцев присоединился к сторонникам устава, но это произошло не из-за боязни выступить против воли императора, как считает В. А. Твардовская [см.: Твардовская, 2000: 317], и не из-за того, что он «...поддался хныканью Делянова и настояниям Каткова, рассчитавши, что в конце концов ему все-таки выгоднее» быть с ними, на чем настаивал Б. Н. Чичерин [Воспоминания Б. Н. Чичерина: 105], а из-за желания достичь компромисса (не без влияния Победоносцева наряду с государственными были сохранены и факультетские экзамены). К тому же, как человек здравого смысла, К. П. Победоносцев прекрасно осознавал бессмысленность борьбы против уже принятого императором решения, если оно не противоречило его основополагающему мировоззрению.

К. П. Победоносцев был инициатором незаконченной до конца судебной контрреформы. Позиция его в этом вопросе достаточно подробно раскрыта в исследованиях С. Л. Эвенчик, П. А. Зайончковского и Б. В. Виленского. Но их оценки к настоящему времени значительно устарели. Диссертация В. И. Жирова повторяет расхожие клише десятилетней давности о том, что план судебных преобразований 1880-х годов, предложенный К. П. Победоносцевым, был попыткой возвращения в прошлое [Жиров, 1993: 114]. Работа А. Н. Боханова «Император Александр III» является примером идеализации и необъективного приукрашивания истории судебной контрреформы. В книге, в частности, говорится, что, «несмотря на ряд нововведений, все основополагающие принципы судебной реформы 1864 года (несменяемость судей, независимость судопроизводства, суд присяжных, право на защиту) пересмотру не подлежали» [Боханов, 1998: 433]. Поэтому необходимо остановиться на наиболее важных моментах подготовки и реализации судебной контрреформы.

Еще в ходе обсуждения Судебных уставов 1864 года, одним из авторов которых был К. П. Победоносцев, он выступал с решительной критикой отдельных ее положений. 10 марта 1884 года в письме к председателю Московской судебной палаты А. Н. Шахову К. П. Победоносцев писал: «Своих мыслей об уставах я не изменил и, когда сидел в Комиссии, протестовал против безрассудного заимствования из французского кодекса форм, не свойственных России, и, наконец, с отвращением бежал из Петербурга в Москву, видя, что не урезонишь людей. С тех пор я более и более убеждался в основательности своих опасений, а ныне для меня совершенно ясно,

что это чужое платье, на нас надетое, совсем нас стеснило» [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 485–486].

Иницилируя контрреформу, К. П. Победоносцев обосновывал ее необходимость тем, что на практике уставы 1864 года не во всем себя оправдали, суд стал аренной политической борьбы и антиправительственной агитации. Россия, в отличие от Англии и других западных стран, оказалась не готовой к новой судебной системе, принятой по чужому образцу и часто без учета реалий российской жизни. Поэтому из-за недоверия к нравственному состоянию российского общества Победоносцев считал, что «где рынок, и еще наш российский рынок со всеми торговцами и торговками, бабами, с пьяными и кабаками, там трудно искать истины и гармонии. А, к несчастью, новый суд наш стоит именно на таком рынке» (письмо к А. Ф. Кони 1879 года) [ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2892, л. 17].

В 1885 году обер-прокурор Св. синода предоставил Александру III доклад «О необходимости судебных реформ», многие положения которого были впоследствии реализованы. В этом проекте К. П. Победоносцев ставит вопрос о правомерности сохранения несменяемости судей, так как, по его глубокому убеждению, «возведенная в принцип абсолютная несменяемость судебных чинов представляется в России аномалией странной и ничем не оправдываемой, ибо в нашей истории не могло образоваться доныне особое судебное сословие, крепкое знанием, преданием и опытом и связанное чувством и сознанием корпоративной чести. При недостатке людей твердых и успевших пройти правильную школу опыта приходится, при замещении судебных должностей, довольствоваться деятелями юными и мало опытными...» А это приводит к появлению большого количества неспособных, равнодушных и ленивых судей, которых «нельзя сменить и заменить, как прежде можно было» [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 508–509]. Поэтому, в том числе и при участии Победоносцева [Письма Победоносцева...: 74–77], по закону от 20 мая 1885 года создавалось Высшее дисциплинарное присутствие в составе Сената, которое могло в административном порядке снять с должности лицо, занимающее служебную должность или переместить его на другое место [Волков, 1910: 247–248]. Правда, благодаря усилиям министра юстиции Д. Н. Набокова, это право «...было обставлено такими оговорками, что практически не ущемило (как было задумано) принципа несменяемости судей» [Твардовская, 2000: 331]. Впрочем, ведь и К. П. Победоносцев выступал только против абсолютной судебской несменяемости, никогда не предлагая отказаться от этого принципа полностью.

Другим догматом, с точки зрения К. П. Победоносцева, ведущим к деморализации общества, является «публичность всех судебных заседаний». Ибо при господстве в обществе «привычек к праздности» и потребности развлечений и сильных ощущений «публичное заседание по уголовному делу превращается в спектакль, недостойный правосудия; женщины, девицы и даже дети присутствуют в нервном волнении при самых возмутительных и соблазнительных сценах; судьи, обвинители и защитники делаются участниками всеобщего внимания. Действительно, публичность в этом безграничном смысле и виде не только не представляет никаких существенных гарантий беспристрастности в решении, но, напротив, еще оскорбляет оные, представляя из суда арену для волнующихся и борющихся партий». Поэтому «необходимо дать председателю безусловное право уст-

ранять публичность по некоторым делам, и умножить разряды дел, по закону производимых в закрытом заседании» [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 509]. Ибо, «...к несчастью, у нас теперь и судьи так деморализованы и бесхарактерны, что не решаются действовать от себя в подобных случаях», – писал К. П. Победоносцев Александру III 17 июля 1886 года [Письма Победоносцева...: 115]. В итоге после долгих дебатов был принят закон от 12 февраля 1887 года, по которому «все дела, рассмотрение которых *могло* раньше происходить при закрытых дверях» (вопросы об уважении религии, нравственности, семьи и государственного порядка, к которым были добавлены дела об отступлении от веры, ересях и расколах), *должны* были производиться в закрытом порядке [см.: Волков, 1910: 251], на чем настаивал в том числе и К. П. Победоносцев.

Ложным, «совсем несообразным с условиями нашего быта и с устройством наших судов» учреждением, по мнению К. П. Победоносцева, являлся в том числе и суд присяжных. Успешно действующий в Англии, он непременно предполагает «крепкую дисциплину над присяжными со стороны судьи, опытного и искусного в своем деле» [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 510–511]. Иначе, по словам английского писателя С. Ч. Мэна, если бы не было «...регулирующей и сдерживающей власти в лице председателя-судьи, английские присяжные нашего времени слепо потянули бы со своим вердиктом на сторону того и другого адвоката, кто сумел бы на них подействовать» [Победоносцев, 1996б: 117].

Среди главнейших слабостей российского суда присяжных, который К. П. Победоносцев гневно именовал «судом толпы» и «пестрым смешанным стадом» [ОР РНБ, ф. 847, д. 677, л. 3; Победоносцев, 1996б: 118], он называл случайность выбора присяжных и поэтому отсутствие сознания долга судьи, «неспособность осилить массу фактов, требующих анализа и логической разборки», подверженность воздействию «посторонних влияний» со стороны адвоката, публики, господствующих в обществе предрассудков и даже подкупов и уговоров, «чему были уже, к сожалению, неоднократные примеры» [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 511; Победоносцев, 1996б: 118]. Практика показала, что суд присяжных постоянно оправдывал преступников (что происходит и в настоящее время с воссозданием этого учреждения). Это особенно возмущало консерваторов, видевших, что подобное снисхождение к общественному мнению и явное нарушение закона поощряет безнаказанность и приводит к росту политических преступлений в стране. Поэтому они систематически выступали в печати с примерами незаконных действий присяжных.

Вопреки мнению Н. А. Рабкиной о том, что К. П. Победоносцев призывал немедленно «отделиться» от суда присяжных [см.: Рабкина, 1995: 69], он говорил о его постепенной ликвидации и притом только в уголовном суде [К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 510–511]. В итоге развитие пошло именно в этом направлении. По законам от 12 июня 1884, 28 апреля 1887 и 7 июля 1889 года суд присяжных подвергался некоторым изменениям (повышен имущественный ценз, отдельные преступления против государственного порядка передавались в суд с участием сословных представителей и т. д.) [Волков, 1910: 246–247, 252]. Впрочем, сам суд присяжных, несмотря на все старания К. П. Победоносцева, отменен не был.

Таким образом, и в вопросе о несменяемости судей (критикуя именно абсолютную несменяемость), и в вопросе о ликвидации суда присяжных (постепенном и только в уголовных делах) К. П. Победоносцев говорил с позиций истинного охранительного консерватора. Хорошо знавший Победоносцева Е. М. Феоктистов недоумевал, почему, когда после отставки министра юстиции Д. Н. Набокова гр. Д. А. Толстой для осуществления «существенного преобразования судебных порядков» предлагал назначить на этот пост лицо, «... которое не принадлежало бы к судебному сословию, не было бы связано с ним такими узами, которые при всем добром желании было бы ему трудно порвать», Победоносцев тем не менее «устрашился сколько-нибудь коренной ломки; как всегда случалось с ним», ибо «готов был идти очень далеко», но только «пока дело ограничивалось лишь бесплодными рассуждениями, и вдруг изменил тон, когда явилась возможность действовать» [Феоктистов, 1991: 222]. На самом деле это произошло не вдруг, а являлось частью убежденности К. П. Победоносцева в том, что нельзя полностью уничтожить ставшие уже в какой-то мере, пусть и, с его точки зрения, пагубной, но все-таки традицией учреждения. Так, еще в 1872 году, рассуждая о суде присяжных, К. П. Победоносцев допускал, «... что можно держаться за эту форму в надежде, что она... как-нибудь успеет (?) поддержать себя и в страхе, как бы еще новое не было хуже нынешнего» [ОР РНБ, ф. 847, д. 677, л. 3].

Но объективное изучение взглядов К. П. Победоносцева показывает, что в вопросе об адвокатуре он выступал с реакционных, а не охранительно-консервативных позиций. Справедливо указывая на отрицательные стороны этого учреждения, такие, как пререкания адвокатов с судей, повторные суждения о деле после вынесенного судей решения, эксплуатация клиентов ради личной наживы, превращение суда в трибуну для политической агитации, Победоносцев считал адвокатуру «величайшей опасностью для государственного порядка». Есть доля истины и в его словах о том, что к «... этой профессии, в коей легко приобрести и популярность, и деньги, стремятся наиболее способные и решительные люди, так что суд, который по большей части состоит из людей слабейшего характера, не в силах противиться натиску адвокатского красноречия, прибегающего к софизмам и театральным приемам для достижения своей цели». Но вместо того чтобы заботиться о повышении уровня прокуроров и судей, К. П. Победоносцев призывал «... принять меры против этого сословия... И меры эти должны быть на первое время крутые и решительные, дабы можно было разом остановить развитие этого опасного элемента в государстве», при этом абсолютно не поясняя, что он понимает под этими загадочными «мерами» [Победоносцев, 1996а: 198; К. П. Победоносцев и его корреспонденты: 509–510]. «Критикуя новые судебные уставы, – справедливо подчеркивает В. А. Твардовская, – консерваторы как будто забывали о старом дореформенном суде, служившем в свое время постоянной мишенью для критики» [Твардовская, 2000: 332], в том числе и со стороны Победоносцева.

В конце 80-х – начале 90-х годов XIX века были проведены контрреформы местного самоуправления, одним из авторов которых был и обер-прокурор Священного Синода.

В прочитанном цесаревичу Николаю в 1885–1888 годы курсе лекций по законоведению К. П. Победоносцев выделял следующие недостатки

существующих земских учреждений: совершенная бессословность при составе общества, в котором сословия резко отличаются бытом и образом; чрезмерное господство нередко осуществляемого пристрастно и случайно выборного начала; обособленность от общей организации правительственных учреждений; дублирование функций и поэтому искусственный антагонизм между выборными и правительственными органами; отсутствие правильного контроля над земствами и их налоговый произвол [ОР РНБ, ф. 587, д. 1, л. 186–187].

12 июля 1889 года было принято «Положение о земских участковых начальниках», участие в составлении которого принимал и К. П. Победоносцев. Но тем не менее он не был ни его «главным разработчиком», как считал В. И. Жировов [Жировов, 1993: 98], ни уж тем более его «вдохновителем», что пыталась доказать С. Л. Эвенчик [Эвенчик, 1969: 250].

Да, К. П. Победоносцев соглашался с проектом А. Д. Пазухина – Д. А. Толстого о необходимости создания в уездах для надзора за волостными делами единоличной власти. Неизменно подчеркивая, что «все мы согласны в основной мысли записки» [Письма Победоносцева...: 105], он, «как человек чрезвычайно культурный и, несомненно, человек ученый» [Витте, 1960: 299], считал «крайне затруднительным и едва ли возможным соединить в лице земского начальника власть административную с судебной властью, в том виде, как предложено у Пазухина. Такого множества разнообразных и сложных отправлений не может вынести одно лицо в своем участке» [Письма Победоносцева...: 105–106]. А для К. П. Победоносцева важнейшей ценностью являлось соблюдение закона. Ведь «закон, с одной стороны – *правило*, с другой стороны – *заповедь*», – писал обер-прокурор Св. синода [Победоносцев, 1996б: 134]. И, согласно воспоминаниям Е. М. Феоктистова, говорил, что «...именно этой цели, т. е. водворения порядка, нельзя достигнуть такой постановкой учреждения, а можно достигнуть цели противоположной» [Феоктистов, 1991: 421]. И в качестве конкретных предложений сообщал Александру III, что «гр. Толстой хочет устроить власть для крестьянского мира. Такую власть невозможно обособить и поставить правильно, без связи со всеми прочими властями. Необходимо, по крайней мере, поставить земского начальника так, чтобы он был властью в целом территориальном участке и в прямой зависимости от общих губернских властей» [Письма Победоносцева...: 204]. Иначе проект гр. Д. А. Толстого «...по моему глубокому убеждению, разделяемому весьма многими, может произвести только вред и не только не утвердит порядка, но вызовет беспорядки, породив смешение властей и крайнюю путаницу отношений» [Там же: 208]. Поэтому, понимая, что император находится на стороне Толстого и прекрасно зная, что «никакими доводами нельзя поколебать сложившееся у него мнение», К. П. Победоносцев советовал «...по возможности медлить, затягивать дело, так как гр. Толстой не в состоянии выдержать продолжительную борьбу» [Феоктистов, 1991: 266].

12 июня 1890 года принимается «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Особая позиция и предложения К. П. Победоносцева по этому вопросу довольно подробно изложены в монографии Л. Г. Захаровой «Земская контрреформа», выводы которой, на наш взгляд, соответствуют действительности.

Подводя итог размышлениям об участии К. П. Победоносцева в политике контрреформ, следует подчеркнуть, что, помимо конкретных причин

его настороженного отношения к отдельным контрреформам (о чем говорилось выше), была еще одна – и, пожалуй, самая главная причина умеренной оппозиционности Победоносцева. В духе классического консерватизма К. П. Победоносцев утверждал, что «учреждения не имеют важности, а все зависит от людей, а людей нет» [Дневник...: 215] (подобные мысли русские консерваторы высказывали со времен Н. М. Карамзина, который писал, что «не формы, а люди важны... дела пойдут как должно, если вы найдете в России пятьдесят мужей умных, добросовестных» [Карамзин, 1988: 127]).

«Высшее начальство видит, что неладно, пишет новые регламенты и уставы, сочиняет новые правила учебного дела. Но что толку в том, что новая бумага является вместо старой и новое приказание или подтверждение на место прежнего? Что толку, когда в действительности мало кто делает свое дело на месте, и живое дело, воспитательное дело ведется механически, так как бумаги пишутся в канцелярии!» – отмечал К. П. Победоносцев в письме к Александру III от 28 апреля 1887 года [Письма Победоносцева...: 148]. Поэтому вместо перестройки учреждений он предлагал классический для русского консерватизма путь переустройства внутреннего мира человека через Церковь, неизбежно становясь при этом, по словам В. В. Розанова, «Гамлетом по устройению и Дон-Кихотом по историческим задачам» [Сергеев, 1996: 458].

Список литературы

- Боханов А. Н. Император Александр III. М., 1998.
- Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1.
- Волков Н. Е. Очерк Законодательной Деятельности в царствование Императора Александра III 1881–1884 гг. СПб., 1910.
- Воспоминания Б. Н. Чичерина. Вып. 4. Земство и Московская дума. М., 1934.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. М., 1966. Т. 1.
- Жировов В. И. Политические взгляды и государственная деятельность К. П. Победоносцева в 80-е – 90-е гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1993.
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в к. XIX ст. М., 1970.
- К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1, ч. 2.
- Карамзин Н. М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Лит. учеба. 1988. № 4.
- Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1884. М., 1898.
- Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в к. XIX – н. XX в. СПб., 1994.
- Письма Победоносцева к Александру III с приложением писем к великому князю Сергею Александровичу и Николаю II. М., 1926. Т. 2.
- Победоносцев К. П. Вопросы жизни // Соч. СПб., 1996а.
- Победоносцев К. П. Московский сборник // К. П. Победоносцев: pro et contra. СПб., 1996б.
- Правил – как завещал отец? // Родина. 1994. № 11.
- Рабкина Н. А. Константин Петрович Победоносцев // Вопр. истории. 1995. № 2.
- Сергеев С. М. К. П. Победоносцев // Великие государственные деятели России. М., 1996.

Твардовская В. А. Царствование Александра III // Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А. и др. Русский консерватизм XIX ст.: Идеология и практика. М., 2000.

Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896): Воспоминания. М., 1991.

Филиппова Т. А. «Русские тори»: консерватизм и модернизация // Исследования по консерватизму. Вып. 3. Пермь, 1996.

Филиппова Т. А. Мудрость без рефлексии: Консерватизм в политической жизни России // Кентавр. 1993. № 6.

Щетинина Г. И. Идеальная жизнь русской интеллигенции: к. XIX – н. XX в. М., 1995.

Эвенчик С. Л. Победоносцев и дворянско-крепостническая линия самодержавия в пореформенной России // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1969.

ГАРФ, ф. 564.

ОР РНБ, ф. 587, 631, 847.

РГИА, ф. 1149.

Л. П. Щенникова

О КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

1880–1890-х годов

(С. Надсон, Н. Минский)

В 1880–1890-е годы появляется множество сборников известных, но, казалось, забытых поэтов, вошедших в русскую литературу в 1840–1850-е годы: А. Фета, Я. Полонского, А. Плещеева, К. Случевского, А. Апухтина и др. Вместе с тем в литературу входит целая плеяда талантливых молодых стихотворцев: С. Надсон, К. Фофанов, Н. Минский, П. Якубович, К. Р. (Константин Константинович Романов), С. Андреевский, А. Голенищев-Кутузов, К. Льдов, Вл. Соловьев, Дм. Мережковский, З. Гиппиус, М. Лохвицкая, С. Фруг, Д. Цертелев, П. Соловьева, О. Чюмина и многие другие.

«Лирический всплеск» конца XIX века вызвал у современников заинтересованный отклик [Чуйко, 1885; Говоров, 1889; Котляревский, 1890; Меньшиков, 1898; Волинский, 1900, 1904; Перцов, 1896, 1899; Андреевский, 1902; Аничков, 1903; Мельшин, 1902; Гофман, 1909; и др.]. В отличие от указанных критиков и авторов следующего поколения – поэтов-символистов [Брюсов, 1912; Блок, 1971; и др.] – советские исследователи к этому явле-